

ВЕСНА НА ОДЕРЕ

В начале мая ему исполнится восемьдесят один. Память прекрасная, голос чёткий, взгляд ясный. Ахъяр Кадырович Каюмов — из башкирских татар. Воевать ушёл в сорок втором из таджикского Душанбе. Первое ранение получил на русской Украине, в Донбассе. Вот такой интернационализм.

О боевых схватках говорит скупо. Негоже постоянно толковать о смерти. Тем более что в той войне жизнь пехотинца была на фоне всех других родов войск самой короткой.

После ранения — шестимесячные курсы, после них — лейтенант, командир роты. Яско-Кишинёвская операция, форсирование Днестра, плацдарм на реке Прут — с апреля по август сорок четвёртого.

Плоты плывущих трупов, грудящиеся поперек быков моста и запрудившие реку, поднявшие уровень воды...

Тысячи пленных, Тирасполь, Львов, румынская граница...

Висла, Одер, последний оборонительный рубеж перед Берлинской схваткой.

— Был там случай. Мы по ночам к одерскому берегу ползали, слушали, что враг делает; нас так и звали — слухачи. За это нам потом дали недельный отдых от передовой. Ну, отдохнул в глубине, возвращаюсь к своим — а герой стал, не по траншее иду, а прямо по брустверу. Тут навстречу какой-то, с целой свитой генералов. Палкой на меня замахнулся, кроет: «Чего демаскируешь?» Я, как школьник, от него бегом. Потом знакомого офицера спрашиваю: «Кто это был?» — «Да Жуков», — отвечает.

А скоро Жуков не одному Каюмову, а всему фронту встряску устроил. Берлинская операция началась удивительно — знаменитой вспышкой ста сорока могучих прожекторов.

— Эти шестьдесят километров до Берлина шли две недели. Три четверти моей роты полегло...

Вторая рота тысяча десятого полка двести шестьдесят шестой дивизии пятой ударной армии первого Белорусского фронта...

Когда рота вошла в Берлин, в ней оставалось лишь тридцать солдат.

Город уже был почти взят. Бойцы Каюмова стирали портянки в Шпрее, а в ратуше изорвали всю ткань на чистку сапог.

— Зал круглый, стол круглый, и стулья стоят вокруг, как в цирке.

И всё покрыто не плюшем каким-нибудь, а богатым красным бархатом. Ну, мы и пустили его по нашему назначению.

— Вы татарин. Не случались с солдатами конфликты на национальной почве?

— Случались, но не со мной. Ездывым у меня в роте был казах,

никогда из общего котла не ел, свинины гнушался. Один рядовой, Сомов из Тамбова, и кинул ему в котелок сала шутки ради. Так этот казах бегал с винтовкой

третьего. Создал с супругой Розой Гариповной отличную семью, вырастившую троих детей, пользовался уважением таджиков.

Но в девяностых, спрыснутые наркотиком национализма, таджики сказали о Каюмове: «Мусульманин, да не наш».

В общем, не только русские страдают в бывших советских республиках. В полном соответствии с законами феодализма там страдает всё чуждое, всё не похожее на местные родо-племенные устои.

Семья Каюмовых нашла вторую родину на Орловщине, в посёлке Покровское. Здесь же обособился один из сыновей, второй тоже неподалёку — в Орле. Дочь решила переехать в Казань.

Недавно фронтовику и его жене, бывшей работнице тыла, вручили медали «60 лет Победы». Боевым наградам тесно на груди воина, однако юбилейная медаль была приколотата на самое видное место лацкана.

Позируя с наградами для фотоснимка, Каюмов вдруг сказал:

— А просьбу озвучить можно? — Конечно, — отвечаем.

— Мне как инвалиду второй группы положена машина. В позапрошлом году 21 июня я был с этим вопросом в областном ВТЭКе, но меня к начальнику не пустили. А врач из сто четвёртого или сто пятого кабинета сказал: «По вашей болезни машина не положена».

Мы пообещали процитировать эти слова в точности. Потому что ненормально, когда взять кабинет втэковского босса потруднее, чем фашистский Берлин.

Юрий ФИЛЬЧАКОВ.

п. Покровское.

Фото

Вячеслава МИТРОХИНА.

И высоты-то той — сгоряча переплюнешь, а зацепился на ней немец — не сковырнешь. Успел вражина врыться в землю, пулеметами-минометами ошцетинился. Хотели сбить его с лету — половину роты автоматчиков положили. Затоптался на месте батальон, за ним полк, а там и дивизия замедлила наступление. И беда вся в том, что высоту не обойти, не объехать — стоит у дороги посреди болот. Небольшая высота — на карте 120,6, а воткнулась занозой наступающей гвардейской армии и воспалилась.

От того «воспаления» и пошел телефонный перезвон. И если в полку, дивизии грелись провода от мата, то командарму повезло еще меньше. Командующий фронтом спокойно и размеренно, как топором, отрубил:

— Высоту взять. Твоя армия на контроле у САМОГО! Не подводи. Завтра доложить. Всё!

Тихо сказал, но провода считай, что перекалились. А немцы не дремали — подтянули артиллерию, роту СС и вгрызались кротами в землю.

— Ты сколько раз в атаку ходил? — командир полка тербил провод телефона, не находя правой руке места.

— Два, — буркнул голос комбата в трубке.

— А надо три, пять! Собери всех. Слышишь? Всех. И через час чтобы был на высоте. Я сам к тебе приду. Как раз к началу атаки. Действуй, — и бросил трубку.

— Есть, — запоздало ответил Петрухин. Передал трубку телефонисту и осмотрелся вокруг. Из трех командиров рот один уже остался на склоне. Два лейтенанта устало, почти безразлично смотрели в полнаспех открытого наблюдательного пункта.

— Сколько людей в ротах?

Посчитали. Всего сотни полторы и наберется. Поскребли по тыловым сусекам — еще пару десятков набрали. Не густо. Самое паршивое, что снарядов в полковой артиллерии — только неприкосновенный запас. Корпусная еще не подошла. Склады боепитания отстали в наступлении. Так что рассчитывать на артподготовку не приходится. Запас — для танков. Если полезут, то без снарядов каюк. Значит, придется переть на пулеметы так, дуриком. Кислое дело. Так что думать надо, а времени нет.

Пока совещались, готовились — гости и пожаловали. Да не только командир полка, но и генерал-майор Митрохин — командир дивизии со штабными. Совсем дело дрянь! Будут учить воевать, а поучений Петрухин страсть как не любил. Сами с усами. Как-никак с сорок первого воюет. А комдив доклада и слушать не стал:

— Начинать атаку!

— Плохо всё вышло. И до середины ската не дошли. Сорок человек потеряли. Самому комбату повезло — пуля только вскользь прошла по руке. Только гимнастерку окровавила. Санструктор наскоро, поверх рукава, перевязала.

— В санбат — отмахнулся генерал.

— Я батальон не брошу.

И все. Посветлело на наблюдательном пункте. Командир полка даже дух перевел. Комдиву-то все равно: делай что хочешь, но высоту возьми. Но и его проняло. Уже уходя, через плечо бросил:

— Дам два залпа и роту разведки. Всё.

— Разрешите обратиться? — спросил комбат вслед.

ЗАНОЗА

Комдив остановился, но не обернулся. — Разрешите подумать. Через час доложу.

Генерал отмахнулся: думай не думай, а высоту возьми в срок. Выполняй. Теперь — к начальнику артиллерии: «Дай три залпа».

— Два. Как приказали.

— Три.

— Два. И не проси больше.

— Три. Беглым.

— Ну, заноза. Под трибунал подводишь.

— Три. У меня от батальона меньше полонины осталось.

Уже и командир полка махнул рукой: дай ему. Не отвяжется. А мы тыловиков поторопим с доставкой боекомплекта.

Химик даже не отмахивался — сразу согласился помочь поставить дымовую завесу. Уже легче. А командир роты раз-

ведки и вовсе оказался нормальным парнем — все по слову.

Через час рота дивизионной разведки под прикрытием дымовой завесы пошла в атаку через болото. Молча, тихо, в обход высоты. С собой только оружие, гранаты и финки. И все. Только бы не зашуметь прежде времени. До начала атаки потеряли троих — молча ушли на дно болота. Зато потом шумнули на славу, от души.

Как только в тылу немцев затрещали наши автоматы, загремело «ура» — заматались на высоте эсэсовцы, загалдели. А тут и артподготовка. Хоть и жиденькая, да помощь. Больше для психологии — цели то не пристреляны. Не в обороне.

После боя комдив прошел по освобожденной высоте. На бруствере немецкой траншеи сидел комбат в грязной, разорванной гимнастерке. Один погон был вырван, второй залеплен грязью. На лице, под глазом, расплывался синяк. Батальон еще не остыл от рукопашной, и люди неестественно громко делились впечатлениями, заглушая недавний страх. И только комбат молча улыбался, доставая обломанными ногтями из ладони занозу.

Юрий НИКОЛЬСКИЙ, Светлана АФАНАСЬЕВА.